

ЕЛЕНА УСАЧЁВА
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК
И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ

БОЛЬШАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Большая книга ужасов

Елена Усачёва

**Корабль-призрак и
другие ужасные истории**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Усачёва Е. А.

Корабль-призрак и другие ужасные истории / Е. А. Усачёва —
«Издательство АСТ», 2022 — (Большая книга ужасов)

ISBN 978-5-17-146206-2

Если бы Вальке, ученику седьмого класса московской школы, сказали, чем обернется его страсть кататься в метро между техническими станциями, он бы... Ну что он бы? Не поверил, конечно. И даже увидев собственными глазами пиратов-призраков в вагоне, все равно не поверил. Думал, что очень устал от школьных занятий, и вот теперь, в конце года, его преследуют глюки. Глюки оказались настырными и кровожадными, но почему-то никак не могли добраться до оболтуса Вальки и его нелепых друзей. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146206-2

© Усачёва Е. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Корабль-призрак	6
Вступление. Спор на кухне	6
Глава I. Поезд мертвецов	10
Глава II. Майская маята	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Александровна Усачёва
Корабль-призрак и
другие ужасные истории

© Усачёва Е.А., 2022

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Корабль-призрак

Вступление. Спор на кухне

На маленькой кухне, где ничего, кроме квадратного стола и пары табуреток, не помещалось, сидели двое мужчин. Одному было лет тридцать. Он был невысокий, полный, жиденькие волосы собраны в тощий хвостик. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки. На плечи накинута черная рубашка. Второй был чуть старше, а может быть, и не старше, только выражение его, казалось, навеки утомленного лица было брезгливо, что всегда старит людей. Голову его венчала небольшая лысина. Он тоже был одет во все черное – черная куртка и черные узкие брюки.

Сидели они уже давно и давно спорили – оба охрипли и, чтобы совсем не потерять голос, прихлебывали остывший, совершенно невкусный чай.

– Венечка, что ты мне рассказываешь! – откинулся на спинку стула тощий. – Ну кто поверит, что какой-то там сантехник стал великим экстрасенсом? Это же смешно!

– И ничего смешного, – суетился толстый Венечка. – Ты тоже не ангел. Мы вместе учились, значит, и ты где-то в чем-то сантехник...

– Где-то... в чем-то... Это все слова. А где дело? – Тощий пригубил чай и поморщился. – Смотри! – Он показал за спину толстого, тот обернулся, пытаясь найти то, на что ему предлагали обратить внимание. Пока он старательно пыхтел, тощий подлил в свою чашку горячей воды из чайника. – Смотри! – повторил он, подержал ладонь над чаем, на секунду закрыл глаза, вдохнул и облегченно выдохнул. – Попробуй, – придвинул он чашку поближе к другу.

Вениамин осторожно потрогал чашку рукой, над коричневой жидкостью вился дымок.

– Подумаешь! – Он спрятал руки в карманы брюк. – Я тоже много что могу. Меня учили!

– Учили! – расхохотался тощий. – Этому не учат! Надо самому учиться, самому искать, добывать. А ты сидишь на кухне и несешь ерунду.

– Ой, ой, ой! – Вениамин поплотнее запахнул рубашку. – Ты тоже хорош. Был человек человеком, а сейчас – Зуруф Ороф. Что это такое?

– Эй, полегче! – возмущенно взмахнул рукой Зуруф. – Это имя дали мне при посвящении. Теперь я уже не прежний, и со мной старые шутки не проходят. Лучше ты покажи, на что сам способен.

– Приходи ко мне на прием, – легко согласился Веня, – я тебе все покажу.

– Зачем мне театральное выступление? – скривился Ороф. – Ты сейчас покажи. Чего тянуть? Говоришь, научился вызывать духов? Вот и вызови какого-нибудь Пушкина, а я посмотрю. Заодно узнаем, чем должен был закончиться «Евгений Онегин». Давай, не тяни, мне даже интересно стало.

– Чего всем дался этот Пушкин? – насупился собеседник, отодвигаясь от стола. – Он, наверное, икать устал. Придумай что-нибудь пооригинальней.

Зуруф оглядел маленькую грязную кухню, заметил на подоконнике толстую книгу, взял ее двумя пальцами и повертел перед носом друга.

– Что это у нас тут? – Он перелистал затертые страницы. – И давно ты детской литературой увлекаешься? Это же чтение для малышей!

– Для малышей? – возмутился Вениамин. – Ты что, не видишь? Читать разучился? Это же «Легенды Средневековья». Их просто в таком формате издали. Положи обратно! Или тебе с вампиром Дракулой захотелось пообщаться?

– Зачем же так сразу, давай что-нибудь полегче. – Длинный палец Орора уперся в картинку. – Вот, смотри – капитан «Летучего голландца» Ван дер Декен.

– Тебе одного капитана или весь корабль? – усмехнулся Вениамин, засучивая рукава. – Предупреждаю, корабль на кухне не поместится.

– Не поместится корабль? Начнем с капитана. А там – как получится.

Вениамин брезгливо отодвинул чашку с «разогретым» чаем, положил перед собой книгу и какое-то время изучал картинку. На ней был изображен старый брошенный корабль, с пробоинами в бортах и оборванными черными парусами. Навстречу ему шло другое судно, светлое, яркое, оно казалось полной противоположностью черному паруснику. Люди на его борту в панике бегали по палубе: встреча с черным призраком их не радовала. Над картинкой была изображена не то монета, не то значок – ворон с встопорщенными крыльями, на концах которых держится корабль, между голым черепом ворона и днищем корабля – пирамидка из поставленных друг на друга семи человеческих черепов.

Вениамин передернул плечами.

– Жуткая картинка.

– Начинай, – подтолкнул приятеля Зуруф. – Тебе надо его только вызвать. Не обязательно ведь общаться с ним.

Вениамин недовольно посопел, поерзал на скрипучей табуретке, но все же встал, прижал к себе книгу и пошел из кухни.

– Хорошо, – бросил он через плечо. – Ты мне не веришь? Тогда смотри внимательней!

Комната, куда они пришли, оказалась большой, просторной, посередине она была перегороджена черной бархатной занавеской. Со стороны кухни было устроено нечто вроде лаборатории – стояли стеллажи с колбами, небольшой прессовочный станок и верстак.

– Ты здесь вечный двигатель изобретаешь? – усмехнулся Орор. – Или философский камень ищешь? Учти, в Средневековье за такие вещи сжигали на костре.

– Смейся, смейся, – пробормотал Вениамин. – Сейчас тебе будет не до смеха.

Он взял несколько баночек и прошел во вторую половину комнаты, где стоял стол, по стенам были расставлены коробки и книги.

– Бардак у тебя, – поморщился Орор.

В ответ Вениамин покачал головой. Он отодвинул стол, достал из банки кусок серого камня и стал чертить на полу круг. В другой банке нашлись маленькие свечки, их Вениамин расставил вдоль прочерченных линий и зажег. Книгу он положил в центр круга, сам сел рядом, начал что-то бормотать себе под нос, доставая из третьей банки серый порошок и посыпая им книгу.

– Книга-то тут при чем? – усмехнулся Зуруф. – Они же не из нее ползут. Это только рассказ. Заметь, детский.

– Не мешай, – медленно проговорил Вениамин, делая отстраняющий жест рукой. Часть порошка просыпалась за круг.

Минуту слышалось ехидное сопение Орора да бормотание Вениамина. Толстяк вскинул руки вверх и четко произнес:

– Призываю! Призываю! Призываю!

Страницы книги шевельнулись, дернул крыльями ворон-мертвец. Орор перестал ухмыляться и попятился. В комнате почувствовался запах моря, послышался шум прибоя и крики чаек.

– Призываю! – прошептал Вениамин, с испугом глядя на ожившую книгу. Остатки порошка посыпались из разжатого кулака.

В комнате захохотало, затрещало, зашипело.

– Я же говорила, что это случится! – раздался торжественный женский голос. – Прошу.

И прямо из книги на оцепеневших магов-недоучек вылетел огромный белый конь с всадицей на спине.

– Фу, как здесь душно! – девушка недовольно поджала тонкие губки и огляделась. – Где вы там?

По воздуху проплыл призрачный корабль с оборванными черными парусами, тенями промелькнуло несколько фигур моряков, а за ними бесконечная череда скелетов.

– Доволен? – пытаюсь перекричать поднимающийся шум, спросил Вениамин. – Вот они!

– Как ты узнаешь, что это они? – все еще пытался спорить Зуруф. – Может, это кто-то другой.

Девушка повернула голову на звук, глазами ища и не находя говоривших.

– Конечно, они, – поспешно заверил Вениамин. – Вон идет Ван дер Декен. Все, я их убираю!

Он сунул руку в карман, набрал полную ладонь порошка, поднял над собой, открыл рот, чтобы произнести изгоняющее слово, но не успел. Девушка резко наклонилась с седла, коснулась пальцами раскрытой книги. В ее руке оказалась круглая блестящая медяшка на длинной цепочке. Призрачные тени стали реальными. Безвольно опустив руки, перед ней встал толстый одноглазый капитан, тонкий, как струна, помощник и высокий могучий боцман. Капитан открыл свой единственный глаз и тяжело вздохнул.

– Магда! – взвыл он. – Это опять ты? Убирайся отсюда, ведьма!

– Почему меня все время гонят? – капризно протянула девушка.

– Магда! – вскинул руку капитан. – Ты, как всегда, не вовремя со своими вопросами.

– Ты сказал, что все отдашь, лишь бы обогнуть мыс Доброй Надежды и попасть из Атлантического океана в Индийский, – торжественно произнесла Магда. – Я заберу твою душу, и ты добьешься своего.

– Прочь, ведьма! Мне не до тебя! Почему это нужно каждый раз повторять? – Капитан сжал кулаки, грозно сдвинул брови, сделав шаг к девушке.

– Это твоя судьба! – расхохоталась ведьма. – Забыл? Я напому.

– Не надо, – капитан тут же отступил назад. – Не надо. Ничего не надо. Ты мое проклятье, я уже понял.

– Достаточно? – с дрожью в голосе спросил Вениамин.

Орор был до того удивлен, что даже слова не мог сказать.

Не дожидаясь согласия друга, Вениамин бросил горсть порошка под ноги коню.

– Изыди! – крикнул он, но голос его сорвался.

Магда повернула голову на звук.

– Кто здесь?

– Изыди! – взвизгнул Вениамин. – Уходи!

Конь недовольно фыркнул и повел ушами. Магда расхохоталась.

– А теперь достань нас!

Конь одним прыжком пересек комнату. Затрепетали на ветру порванные паруса, послышалась грозная песня:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк...

Пронесшийся по воздуху корабль подхватил стоящих призраков.

– Вениамин, держи их! – завопил Орор, но было уже поздно. Корабль и конь как сквозь землю провалились. Растрепанный Вениамин сидел на полу и тупо рассматривал меловую линию перед собой.

– Как ты мог их упустить! – вопил над его ухом Зуруф. – Как ты мог не удержать их в кругу?

Вениамин рукавом смахнул с круга просыпанный порошок. Едкая смесь сожгла мел, и в линии получился разрыв.

– Этого не может быть! – испуганно прошептал Орор. – Они же разнесут весь город. Да если они только окажутся на улице, вся она тут же превратится в улицу мертвецов.

Вениамин ничего не ответил, он сидел на полу и равнодушно переворачивал страницы книги.

– Делай что-нибудь! – не унимался Зуруф. – Ты их выпустил, теперь ты за это отвечаешь. Они придут к тебе за расплатой!

На странице с двумя парусниками, на том месте, где раньше был нарисован ворон с кораблем и черепами, белело пятно.

Глава I. Поезд мертвецов

Он стоял и смотрел на Вальку, слегка прищулив левый глаз, зажав в левом уголке рта старую треснувшую трубку. Не спеша затягиваясь, странный человек с причмокиванием выпускал густой едкий дым. Дым на мгновение скрывал его страшное лицо, перекошенное уродливым глубоким шрамом, идущим от левого глаза, дробящим переносицу, задевающим правый уголок рта и врезавшимся в скулу. Вместо правого глаза у него была глубокая впадина, в которой уютно устроился паучок.

От созерцания всего этого Вальку затошнило. Он прислонился к стене, но опора плавно ушла из-под него, дав увесистый пинок. Ноги подкосились, зад больно стукнулся о шершавый пол.

– Привет, малява! – раздалось из-за спины, и перед позеленевшим от страха лицом Вальки возникла еще более невозможная личность. Вытянутое худое лицо, тонкий острый, как бритва, нос, маленький узкий подбородок с отваливающейся челюстью. Лицо это было крайне нездорового, серовато-коричневого цвета, с черными трупными пятнами. Реденькие тонкие волосы на его голове стояли ежиком, и было ясно видно, что одного уха у него нет. Дохнув на Вальку гнилью из пасти, лицо улыбнулось, обнажив беззубый рот. – Откуда ты свалился, птенчик?

Валька крепко зажмурился. В ушах застучала кровь.

«Ты-дых, ты-дых... Ты-дых, ты-дых», – вторил гулким ударам сердца перестук колес. На повороте вагон мотнуло в сторону, мигнул свет, закрипели под потолком ржавые железки.

Валька открыл глаза. Свет все так же танцевал по изуродованным лицам.

– Язык проглотил, – усмехнулось существо с трубкой и почесало свой большой живот, обтянутый грязной выцветшей фуфайкой. Темно-синие полосы на ней подрагивали в такт поезду.

«Пираты», – вяло подумал Валька. Он как замороженный следил за мельтешением полосочек.

По сторонам зашевелились призрачные фигуры, вперед стали выходить скелеты. Они перемещались с легким шуршанием. За их движениями слышался замогильный шепот:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк...

Сзади противно заскрежетало железо.

– Болт, а ведь птенчик-то живой! – заметил худой изломанный тип.

– Будет мертвым, – спокойно ответил хозяин шрама. Медленно вынул изо рта трубку, смял ее в руке, кряхтя, наклонился, перегнувшись через свой большой живот, и достал из-за голенища порванного сапога длинный нож, похожий на тесак.

Сзади опять что-то заскрежетало. Валька скосил глаза. Рядом стоял высокий могучий мужчина. Ветхая рубаха не скрывала его накаченных плеч, широкой груди. Из растрепанного ворота столбом выступала мощная бычья шея. Лицо с квадратным подбородком и расплюснутым носом было совершенно бесстрастно. Вместо одной руки у него была железная перчатка. В задумчивости гигант сжимал и разжимал железный кулак, вбивая его в ладонь нормальной руки. От этого и раздавался скрежет.

– Живой? – из глубины широкой груди пробасил гигант. – Непорядок.

– И правда, – согласился толстый, которого называли Болт. – Мы здесь живых не любим. Мальчишки, разберитесь с ним. Бритва, давай.

Худой запустил длинные пальцы за отвороты заляпанного грязью долгополого пиджака и вынул оттуда невероятных размеров бритву, толстую и ржавую. Гигант последний раз сжал кулак и придвинулся к Вальке.

– Я случайно, – взвизгнул Валька, прикрывая голову руками. – Не надо!

Наверное, в эту секунду перед глазами перепуганного Вальки промелькнула вся его короткая тринадцатилетняя жизнь. Он уже вспомнил, как в пятилетнем возрасте в детском саду лопаткой огрел наглого карапуза, который пытался отобрать у него свои же формочки для песка.

Но на этом его воспоминания прервались. Состав сильно тряхнуло. Из темноты подземелья он вырвался на свет, дернулся и остановился. Все в вагоне повалились друг на друга. Стоящие по краям скелеты издали мелодичный хруст и рассыпались. Перед глазами застывшего в немом оцепенении Вальки мелькнуло прозрачное белое существо с огромными темными глазами. Пытаясь защититься от летевшего прямо на него головой вперед Вальки, существо разжало ладони, и из них выпал плоский темный медальон. Раздался общий вздох. Дверь в противоположном конце вагона распахнулась, и сквозь исчезающие тени к Вальке бросился молодой парень в форменной одежде кондуктора. Он схватил Вальку за шиворот и несколько раз встряхнул. Валька безвольно мотнулся в его сильных руках.

– Ты что здесь делаешь, мерзавец? – гаркнул парень. – Тебе чего, жить надоело?

Валька слабо шевельнул головой, икнул и глупо улыбнулся.

В дверях показалась еще одна фигура.

– Ты чего, Санёк? – спросила она хрипло.

– Да вот, Василий Павлович, зайца поймал. – И парень еще раз встряхнул Вальку, пытаясь поставить его на ноги. Но ноги Вальку не слушались, они подгибались, и от этого он валился на бок.

– Эй, парень, ты чего? – Саньку, видимо, надоело держать кулем болтающуюся добычу. Он заглянул мальчишке в лицо и разжал руки.

Валька осел на пол. Глаза Санька проследили за сползающим пареньком. У своих ног он разглядел темную медную плоскую железку на позеленевшей от старости цепочке.

– Твое, что ли? – спросил он, нагибаясь и брезгливо, двумя пальцами, поднимая медальон. Парень даже поморщился, до того противна была ему эта вещь. Валька механически взялся за протянутую ему цепочку и опустил ее в карман.

– А вот мы его сейчас в милицию отведем, – через вагон к ним шел пожилой машинист. – Будет знать, как в технические поезда забираться.

Парень подхватил Вальку под мышки и выволок на перрон.

– А ну, пошли, – опять встряхнул он своего пленника.

Почувствовав под ногами более устойчивую, чем пол вагона, поверхность, Валька приободрился. А когда впереди замаячила хорошо знакомая милицейская форма, он совсем пришел в себя. Как только они приблизились к милиционеру и Санька отпустил ворот его куртки, начав объяснять, откуда взялся безбилетный пассажир, Валька, освобождаясь от руки, лежащей на его плече, резко дернулся вниз, откатился в сторону, подсек милиционера под ноги и бросился бежать.

В ту же секунду от вагона отделилась невысокая тень, мелькнули длинные растрепанные рыжие волосы. Тень проскочила платформу и спряталась за колонной.

Станция эта была такой же технической, как и поезд. Невысокая и узкая, со всех сторон ее огораживали турникеты. Валька, как заправский бегун на длинные дистанции с барьерами, перемахнул несколько турникетов, перебрался через забор, вихрем пронесся мимо поста милиции, откуда запоздало вслед за ним бросились несколько мужчин и завершали трели свистка. Так, под свист, крики и топот ног, он выбежал к огромным воротам, на которых красовалась большая красная буква «М». Здесь он плюхнулся на живот и стал протискиваться

в щель между двумя неплотно прикрытыми створками и землей. Затрещала зацепившаяся за что-то новенькая куртка.

Топот приблизился, ахнули от удара ворота. Но Валька был уже на другой стороне и мчался прочь от неказистых серых построек, носящих гордое название «Метрострой».

Тень, при свете дня оказавшаяся невысокой пухлой рыжеволосой девчонкой, беспрепятственно прошла опустевший пропускной пункт, скользнула за спинами взрослых, толпившихся у ворот, и спокойно вышла через калитку. Глазами поискала быстро удаляющуюся фигурку беглеца. Тяжело вздохнула и медленно побрела в ту же сторону.

– Чайник – он и в Африке чайник, – зло выругался Валька, выбираясь в знакомый район. И тут навстречу ему попался уныло плетущийся одноклассник по прозвищу Вафел. Увидев приятеля, он вздрогнул и остановился.

– Шейкин, – ахнул он, – ты жив?

– А ты хотел, чтоб я умер? – зло осведомился Валька, сжимая кулаки.

Страх прошел, теперь его начинало все бесить. И в первую очередь – тощая фигура Вафли в безразмерной куртке, со съехавшими на кончик носа очками, зализанными назад волосами, писклявым голосом и длинными мосластыми руками, вечно испачканными чернилами. Имя у него было банальное – Коля Семенов. И был он несгибаемым отличником. Таких никто никогда не любит, даже учителя, потому что подобные ученики порой знают больше взрослых. Семенову с первых же дней в школе дали прозвище «Вафля», а по-простому – «Вафел», потому что он всегда и везде тормозил. Как будто, прежде чем что-то совершить, он проделывал в голове долгие и сложные математические расчеты. Он не сразу отвечал на вопросы, из его рук всегда выпадал мяч, несколько раз он ухитрился пройти мимо двери и здорово треснуться лбом о косяк. За то, что он все время «ловил вафли», ему и дали такую кличку.

С Валькой все было гораздо проще. Чайником его прозвали тоже не из-за фамилии, потому что была она у него Шейкин, и не из-за того, что он во всем был новичком. Если бы кто-то только подумал об этом, тут же схлопотал бы лично от него по шее. Это прозвище прилипло после того, как однажды в школьной столовой он опрокинул на себя чайник с горячим чаем. Хохотали все. У Вальки же от боли выступили слезы. Он схватил этот дурацкий чайник и запустил в смеющихся одноклассников. Шейкин долго противился глупой кличке и бил каждого, от кого ее слышал. Но кличка – вещь такая, если прилипает, то надолго. В конце концов он смирился, привык.

Чайника и Вафлю свела судьба. Когда Колька в очередной раз сморозил какую-то глупость, Валька пообещал приятелям его расшевелить и поспорил с ребятами в классе, что затащит незадачливого отличника на технический поезд в метро. Была у Чайника такая забава: он любил забираться в проходящий технический транспорт – трамваи, троллейбусы, грузовики. Но самым шиком было запрыгнуть в медленно ползущий мимо платформы ремонтный вагон метро. Правда, для этого приходилось полдня торчать на перегоне, ожидая заветных слов диспетчера: «Уважаемые пассажиры, поезд следует без остановки. Отойдите от края платформы». И в тот момент, когда толпа откатывалась к стене, а из туннеля выглядывал дребезжащий потертый состав, Валька выходил вперед, пропускал головной вагон и запрыгивал на открытую сцепку.

Мимо проносятся вытянутые лица людей, но состав уже ныряет в туннель, набирает скорость и мчится сквозь темноту с грохотом и свистом.

Вафлю он взял на «слабо».

– Что ты можешь, Вафля, кроме как свои книжки читать? – начал Валька издали.

Коля грустно посмотрел на него и вздохнул. Очки сползли на кончик носа и там застыли.

– Ты вообще видишь что-нибудь, кроме своих дурацких книжек?

Даже если Семенов и собирался что-то ответить, то он это сделать не успел, потому что Валька сразу же ринулся в бой.

– Да тебе слабо от них оторваться и совершить нормальный мужской поступок.

– Какой?

– Тебе же слабо прыгнуть в движущийся поезд? Кишка тонка!

– Вот еще! – Семенов поправил очки и зачем-то прилизал и так зализанные волосы. –

Больно нужно мне ноги ломать.

– Я же говорю – слабо. Ты не только Вафля, но еще и трус.

Неизвестно, о чем в этот момент думал Колька, но он вдруг согласился на предложение одноклассника – отправиться вместо уроков в метро. Ждать им пришлось недолго. Заветное «Уважаемые пассажиры...» прозвучало через двадцать минут. Редкие пассажиры недовольно морщились, отходя в сторону. Из темноты выполз дребезжащий состав. Его вели двое – молодой парень и пожилой усатый дядька. На оставшихся стоять у края платформы ребят они не обратили внимания. Валька опытным взглядом окинул показавшиеся вагончики, головной и два прицепных, оба закрытые. Но первый без задней двери. На этот дверной проем и показал Чайник застывшему Вафле. Тот слабо мотнул головой, продолжая все так же рассеянно смотреть на поезд. Именно поэтому он первый заметил пассажиров в вагоне. Свет в нем горел неярко и все время мигал, но мальчик четко рассмотрел три изуродованные фигуры, что-то белесое, покачивающееся на цепях, скелеты, замершие по стенам.

Увиденное было настолько неожиданным и невозможным, что он открыл рот. В этот момент Шейкин шагнул в вагон, дернув за собой застывшего одноклассника.

Коля видел, как Чайник удачно прыгнул внутрь, как фигуры тут же окружили его, как отлепились от стен скелеты, как слетело с цепи нечто прозрачное. Он даже услышал скрип этой самой цепи...

И все исчезло. Качнулись красные огни последнего вагона.

Поняв, что он вошел в вагон один, Валька рассердился. Первым его движением было выскочить обратно и врезать тормозному Семенову по шее. Но сделать это он не успел.

«Опс», – с хлюпающим звуком захлопнулась до этого открытая дверь.

– С прибытием, сынок, – мрачно поздравил Шейкина невысокий толстый дядька с трубкой. Валька взгляделся в него и помертвел.

Потом многие годы ему будет сниться это искореженное лицо и слышаться скрежещущий звук сжимаемой железной руки.

Но это все будет потом, сейчас же, стоя на улице, он с ненавистью смотрел на вытянутое лицо Семенова, борясь с желанием ударить по этим очкам, по грустным глазам и ровному подбородку.

– Что ж ты не прыгнул? Струсил?

Вафел шмыгнул носом, посопел и, наконец, выдавил из себя:

– Что там было? Ну, в вагоне...

– Пирогамы меня с плюшками угощали... – начал Шейкин и сам себя перебил: – Погоди, ты хочешь сказать, что ты их видел?

Колька кивнул, пряча глаза.

– И ты не сказал?! Мог бы предупредить меня!

– Я не успел, ты уже прыгнул. Что это было?

– Фигня какая-то, – легкомысленно бросил Чайник. – Я даже подумал, что мне показалось. А ты точно видел?

– Трое каких-то... – нахмурился Вафел, вспоминая, – скособоченных... И еще скелеты.

– Да ну, ерунда. – Валька зашагал к дому, но перед глазами вновь встал полутемный вагон метро и его жуткие пассажиры. – Показалось, – помотал он головой. – Какие скелеты в метро? Глюки это, Вафел, обыкновенные глюки. – Он пару раз моргнул, прогоняя наваждение.

Но картинка не исчезла. Тогда он уставился на Кольку. Опять эта зализанная челочка... – А ты все равно трус. Не выйдет из тебя никакого толка. Так и проживешь всю жизнь со своими книжками.

Валька сплюнул. Злость его улеглась, бить это тщедушное никчемное создание ему расхотелось. Зачем? Пропавший Семенов человек. Одним словом – Вафля.

– Как это – не было? – побежал за уходящим Чайником Вафел. – Я же видел – люди в поезде.

– Какие люди? – обернулся Валька. – Это технический поезд, там никаких людей нет. Он рельсы проверяет. Совсем ослеп? Что ты там мог видеть через свои очки? Темно было.

Убеждая Вафлю в том, что ему все показалось (не будет же он ему рассказывать, что в вагоне и правда кто-то находился, если сам не уверен), Валька и себя ухитрился убедить в этом. А чего там могло быть? Ничего... Мало ли что покажется в трясущемся полутемном салоне. Да и башкой он, видно, треснулся, когда запрыгивал внутрь.

Что-то подобное он уже собирался сказать не отстающему от него Семенову, когда перед ним возникла Машка Подгорнова.

– Так, – тут же помрачнел Валька. – А тебе что надо?

Машка Подгорнова была страшно влюблена в Шейкина. Она везде за ним ходила, преданно смотрела в глаза, а на уроках закидывала его любовными записками. Ни хихиканье и косые взгляды девчонок, ни подтрунивание мальчишек ее не волновали. Она каждый раз пыталась напомнить Чайнику о себе, и это Вальку доводило больше всего. Хуже сегодняшних глюков могла быть только Подгорнова.

– Валечка, я...

– Слушай, Подгоркина, – передразнил он ее фамилию, – иди ты знаешь куда?

– Шейкин, – тут же насупилась Машка. – Я от тебя балдею просто. Пошли сегодня гулять.

– Погуляешь без меня, – отрезал Чайник. – Я с девчонками не гуляю.

– Хочешь, в кино сходим?

– Чего ты опять ко мне привязалась? Сказано тебе – отвали. Вон – за Вафлей бегай, ему нужна будет твоя забота. Будешь ему нос утирать и книжки подносить. А мне ты уже надоела.

– Чайник ты, Валечка, – зло прищурилась Подгорнова.

Была она невысокая, пухлая, с вечно спутанными длинными рыжими волосами, на бледном лице яркой россыпью сияли веснушки. Когда она смеялась или прищуривалась, казалось, что веснушки скачут по ее носу, подпрыгивают, звонко сталкиваясь друг с другом.

Вот и сейчас они сползли с носа на щеки.

– А ты – рыжая, – удаляясь, буркнул Валька. – И катись отсюда.

Подгорнова обиженно надула губки, но никуда не пошла. Она подождала, пока Шейкин скроется за поворотом, и побежала за ним. Машка давно уже для себя решила, что добьется объекта своей мечты любыми способами. Сейчас ей ужасно хотелось выяснить, что же произошло в вагоне. Оттуда, куда успела забраться сама Машка, видно было не много.

Отделавшись от одноклассников, Валька решил сбегать на футбольное поле, посмотреть, собралась ли команда для игры. Для этого ему нужно было перебраться на другую сторону шоссе и обойти дом. Через улицу умные взрослые проложили подземный переход. Но это для всех, кроме Шейкина, который его не признавал. Поэтому он просто перелез через низенький заборчик, дождался, когда на перекрестке зажжется красный свет и машины встанут, и побежал наискосок через дорогу. Он благополучно добрался до середины улицы, пропустил выезжавшую из двора легковушку и, уже не глядя по сторонам, засунув руки в карманы, потрусил к тротуару.

Откуда взялся гремющий и тарахтящий грузовик, Чайник не заметил. Он его услышал, только когда железная машина оказалась рядом. От неожиданности Валька вздрогнул и вместо того, чтобы бежать, замер на месте.

Грузовик взревел и устремился на мальчика. Перед глазами Чайника вновь понеслась вся его короткая жизнь, в памяти всплыл скрежет цепей в техническом вагоне. Он сжал кулаки и отшатнулся. Вылетая из-под колес грузовика, Валька почувствовал, как в ладонь врезалось что-то острое.

Как в замедленной съемке, мимо проплыл грузовик, на него из окна кабины водителя глянул крупный мужик с квадратной челюстью и погрозил железным кулаком.

Грузовик резко затормозил, чуть не потеряв сильно качнувшийся кузов, и стал поворачивать, ломая низенький заборчик, отделявший тротуар от улицы. Вздрагивая всеми своими железками и чихая, машина рвалась за Чайником.

Это все было до того невозможным, что Валька не сразу сообразил, что нужно вскакивать и бежать. Зато он очень хорошо рассмотрел тех, кто сидел в кабине. На месте водителя животом на руле висел одноглазый Болт. Рядом с ним, рукой показывая на Шейкина, чуть ли не выскакивал из окна тощий Бритва. Дальше, все так же колотя железным кулаком о ладонь, восседал гигант. А на крыше кабины, вольно откинувшись, лежала светлая девчонка с остреньким личиком в белой развевающейся хламиде. В Валькиных ушах отчетливо раздавалось цоканье лошадиных копыт и ржание.

Шейкин очнулся, перепрыгнул заборчик и что есть духу помчался к домам. Сзади послышался скрежет и звон стекла.

«Не оборачивайся», – сам себе приказал Чайник и обернулся. Грузовик стоял на тротуаре, наполовину въехав в ограждение подземного перехода, из него валил дым.

В кабине никого не было.

– Ничего себе... – выдохнул Шейкин и наконец выпустил из руки то, что так сильно резало ладонь. На землю, звякнув, упал медальон.

– Ничего себе... – повторил Валька, пытаясь из сумятицы мыслей выудить хотя бы одну стоящую. Но в голове стояла звенящая путаница.

Вокруг грузовика собрались люди. Чтобы не привлекать к себе внимания, Чайник осторожно подобрал медальон и трусцой побежал к своему дому. Ни о каком футболе он не вспомнил.

Машка Подгорнова мельком глянула на разбитую машину и пошла прочь, стараясь не упустить из виду невысокую фигуру в рваной куртке. Она не оглядывалась по сторонам, поэтому и не заметила, что у нее стало две тени. Одна была нормальная, серенькая, повторяющая каждое движение. Вторая также шла от ее ног по земле, но в отличие от хозяйки не размахивала руками и не жевала булку, купленную у тетки-лоточницы, а просто плыла следом, стараясь не попадаться на глаза Машке.

Дома Валька засунул подальше под кровать рваную, извозюканную в грязи куртку и уселся за стол, положив перед собой медальон.

Он отлично помнил, откуда эта штука у него взялась. Она выпала из рук полупрозрачного привидения в вагоне, а потом машинист Санек сунул ему это в руку.

Так. Здесь ничего невероятного не было – один уронил, другой поднял.

Стоп.

Валька сбегал в ванную, намочил голову, взял в холодильнике ледяную бутылку газировки и вернулся в комнату.

– Бред все это, – громко сказал Шейкин, чтобы разогнать гнетущую тишину в комнате. – Ничего не было.

Слова отзвучали, тишина снова сомкнулась над его головой.

Медальон на столе как будто бы говорил – было. Все это было. И полумрак вагона, и три искалеченные фигуры, и ржавый грузовик.

Валька вгляделся в странный «подарок судьбы». Он был большой, размером с ладонь. Тонкая круглая медная пластина с зазубринами по краям, как будто ее грызли. На пластине

был выдавлен овал, внизу его замыкало нечто похожее на череп птицы, а сверху корабль с мачтами, но без парусов. В середине было еще что-то, но Валька не смог как следует разглядеть из-за набившейся грязи и зелени. Намертво припаянная цепочка позеленела от старости и в одном месте раскололась.

Эту вещь во что бы то ни стало надо вернуть обратно.

Книжек Валька особенно не читал, но телевизор смотрел достаточно, чтобы знать: с такими вещами не шутят. Покойники не любят, когда у них что-нибудь забирают. Они обычно приходят и наказывают воров.

Шейкин подпрыгнул на стуле и подальше отодвинулся от стола.

Грузовик! Как же они так быстро его нашли?

Двумя пальцами, как до этого машинист Санька, Чайник взялся за зеленую цепочку и прямо в тапочках пошел на улицу.

У подъезда он столкнулся с загорающей на солнце Подгорновой.

– Валечка, – вскочила она. – Смотри, какая погода хорошая... Пойдем погуляем?

– Горкина, – как обычно передразнил ее фамилию Шейкин, – катись уроки делать.

– Давай вместе делать. Твоя мама просила меня помочь тебе по математике.

Валька закатил глаза. Беда была в том, что его мама и мама Подгорновой, Надежда Петровна, были давнишними подружками, еще со школы друг друга знали. Поэтому встречался он с Машкой не только в школе, мать часто приглашала ее в гости. Она считала, что от этого Валька станет лучше, начнет хорошо учиться и вообще сможет перевоспитаться.

Фиг вам! Не будет он учиться! А тем более перевоспитываться! И Машку видеть тоже не хочет!

– Если ты сейчас не уберешься, то я тебя прибью, – рявкнул Чайник в конопатое лицо девочки и зашагал прочь.

– Ты же в тапочках, – попробовала остановить его Подгорнова, но ее никто не слушал.

В довершение всего из-за дома вышел Вафел.

– Я тут подумал, – начал он, не доходя до одноклассника. – Не могло же нам с тобой одновременно показаться одно и то же...

– А что вам показалось? – подбежала к одноклассникам Подгорнова.

Все. На этом терпение Шейкина закончилось. Он подбросил на ладони медальон и широко улыбнулся Семенову.

– Колька, – заговорил он как можно ласковей, – хороший ты парень. Только притормозенный немного. Но это не страшно, пройдет когда-нибудь. Я тебе хочу подарок сделать. – Он потряс перед носом внимательно слушающего Вафли кулаком с зажатым медальоном. – Держи. Я его сегодня в метро нашел, он старинный. Если отчистить, будет сверкать, как новенький.

Валька быстро вложил в вялую ладонь Коли медальон, подмигнул удивленной Машке и побежал обратно к подъезду.

Теперь Колька надолго забудет свои книжки. Эх, всучить бы такой же медальон Подгорновой, тогда она не скоро появилась бы на горизонте.

В комнате радостная уверенность в том, что все закончилось, постепенно улетучилась из Валькиной души. Через какое-то время он поймал себя на том, что внимательно прислушивается ко всему, что происходит вокруг. Журчала вода в ванной, чирикали птички за окном, на улице шумели проезжающие машины, перестукивались трамваи.

Чайник залез на подоконник. Рядом с его домом было трамвайное депо. Каждое утро, щелкая на стыках, оттуда выезжали трамваи. Днем, позвякивая на зазевавшихся пешеходов, они делали большой круг и снова выезжали на маршрут. А ночью редкие составы втягивались в железные ворота, и те со скрипом закрывались. Шейкин жил на шестом этаже и, пока на деревьях не вырастала листва, мог легко наблюдать за передвижением общественного транспорта. К стукну трамваев он настолько привык, что давно не замечал его.

А вот сейчас, выходит, стал замечать. Стук навязчивой дробью лез в уши, скрип вагонных сцепок рождал нехорошие воспоминания.

Из-за густой листвы самих вагонов было не видно. Только стук и скрип...

Тук-скр... Тук-скр... Тук-скр...

«Переучился», – решил Валька. Он был склонен любую усталость сваливать на учебу – во всем она, гадкая, виновата. Тем более май, каникулы не скоро, только через два дня, поэтому усталость накапливалась с каждой прожитой минутой.

Трамвайный стук преследовал Чайника весь день. Он его слышал, когда засыпал. А когда проснулся, стука уже не было. Зато было темно и очень холодно. Он повернулся на кровати, пытаясь плотнее укутаться в одеяло. Это не помогло. Тогда он высунул нос наружу и сразу определил, что открыта форточка.

– Ну, мама... – в полусне прошептал он, решив, что это мама как обычно зашла, открыла форточку, чтобы проветрить, и стоит где-то рядом, чтобы закрыть ее. На звук никто не отозвался. – Форточку, – крикнул Шейкин и проснулся окончательно.

В окно скреблись. Негромко, ненавязчиво, как будто боялись разбудить.

До конца не открыв глаза, Валька прошлепал босыми ногами через комнату, потянулся к форточке и чуть не заорал.

За окном в воздухе висела девушка, ее узкое синюшное лицо было приплюснуто к стеклу, отчего нос и губы стали плоскими. Тонкими белесыми ладошками она упиралась в стекло, пальчиками с длинными черными коготками выстукивая негромкую, но скрипучую дробь. Белые волосы стояли дыбом. И только глаза у нее были темные и пронзительные. Они впились в перепуганного Вальку, как будто пытались просверлить насквозь и уничтожить.

Губы девушки приоткрылись.

– Зачем ты убил меня? – глубоким голосом заговорила она. – Я ведь была так молода и красива!

Многоголосое эхо прокатилось по комнате, ударило по ушам и вылетело на улицу.

– Ты кто? – Казалось, фраза так и осталась в горле.

– Твоя судьба, – пророкотала девушка. – Не будет мне теперь покоя, пока ты сам не умрешь страшной смертью.

– Я?

Девушка отлепилась от стекла, ехидно глянула на Шейкина, прищурилась и более миролюбиво добавила:

– Впрочем, я придумаю, как это произойдет.

Только сейчас, когда она перестала быть синей, Валька узнал ее. Это была девушка из грузовика. То же самое узенькое лицо, белый балахон, светлые волосы...

А девушка уже отлетала в сторону.

– За что? – запоздало кинулся к окну Шейкин. – Я все отдал! У меня ничего нет!

– А мне ничего и не надо, – пожала плечами девушка, растворяясь в воздухе.

Глава II. Майская маята

Если бы это был не конец года, то Шейкин ни за что не пошел бы в школу. Но так как учиться осталось всего два дня и никаких серьезных занятий уже не предвиделось, он решил осчастливить класс своим присутствием. Делал он это нечасто, считая уроки всего лишь досадной помехой для основной жизни.

Как обычно, до школы его сопровождала Подгорнова. А около школы его ждал Семенов.

– Здравствуй, – чинно поздоровался он и тут же опустил нос с очками в сумку. – Я тут кое-что принес. Посмотри. – И он извлек увесистый том.

Но Валька уже шагал дальше – ему только Колькиных проблем не хватало.

– Подожди! – Роняя на ходу то портфель, то книжку, Вафел заспешил за ним. – Ты же вчера мне такую круглую штучку дал, медную. Помнишь?

Валька остановился.

– Я специально в энциклопедии посмотрел, что за значок на ней нарисован. Это знак «Летучего Голландца».

– Кого? – не понял Шейкин.

– Есть такая старая легенда о корабле-призраке, который называется «Летучий Голландец».

– Ну и что? – Валька пожалел, что пошел сегодня в школу.

– Это интересно, – произнес Вафел, при этом в голосе его никакой заинтересованности не чувствовалось. – До того как он стал призраком, им командовал злой и жестокий капитан Ван дер Декен. Однажды он взял на борт двух пассажиров, девушку и юношу. Они были богаты, и капитан решил их ограбить. Он бросил юношу в море, а девушке предложил стать его любовницей. Девушка прокляла капитана и тоже бросилась в море. Ее проклятье сбылось. Корабль попал в страшный шторм и никак не мог обогнуть мыс Доброй Надежды... – Вафел оторвался от книжки. – Ну, это крайняя точка Африки.

Чайник мрачно смотрел на одноклассника. Он не собирался вспоминать, ни что такое мыс Доброй Надежды, ни где находится Африка. Да хоть на другой планете, ему-то какое до всего этого дело?

– Корабль шел, но его отбрасывало волнами, – продолжал читать Коля, все больше и больше волнуясь. – Так прошло несколько суток. В один из дней прилетел на корабль ворон. И капитан сказал, что продаст душу дьяволу, только бы обогнуть этот страшный мыс. Ворон каркнул и улетел, а корабль обогнул мыс и попытался причалить в порту. Но как только он подходил к бухте, появлялась огромная волна и отбрасывала его обратно в море. Так он до сих пор и плавает по океанам и является перед штормом тем кораблям, которые обречены на гибель, – торжественно закончил Семенов, закрывая книгу.

– Как интересно, – ахнула Подгорнова.

– Так он утонул или нет? – уточнил Чайник.

– Нет, он не может это сделать, потому что стал призраком. Понятно? А здесь на пластинке знак этого корабля. Папа говорит, ценная вещь. – И Вафел протянул медальон Вальке. – Возьми обратно. Ты просто не знаешь, что это такое.

Чайник сначала не узнал медальон. Он был вычищен и сверкал, как новенькая монета. Теперь на нем ясно был виден ворон с поднятыми крыльями. На месте головы у ворона был череп. Одно крыло вздымалось пенной волной, второе заканчивалось перьями-ножами. На конце крыльев ворон держал потрепанный трехмачтовый корабль с оборванными парусами. От черепа ворона до днища корабля возвышался столбик из семи человеческих черепов. Все это было выдавлено четко и ясно, как будто только вчера сделано на заводе. Цепочка тоже оказалась необыкновенной. Она состояла не из привычных колечек, а из соединенных друг с

другом железочек в форме человеческих костей. Отколовшееся место в соединении цепочки и самого медальона было подклеено.

– Да? – Шейкин завел руки за спину. Теперь, когда он рассмотрел, что изображено на медальоне, ему совсем не хотелось его касаться. – И долго ты с этой книжкой сидел?

– Почти всю ночь. – Колька потряс перед носом Чайника увесистым талмудом, на обложке мелькнуло название: «Легенды Средневековья».

– И ничего странного с тобой не случилось?

– Нет, – протянул Семенов. – Свет только все время гас. Я чуть не ослеп под утро.

– Ты чего, до утра читал? – удивлению Чайника не было предела.

– Так интересно ведь... – не понимая возмущения одноклассника, прошептал Вафел.

Шейкин отстранил Колю вместе с книгой, медальоном, портфелем и вошел в школу.

На уроке Семенов снова подсел к Чайнику с «Легендами Средневековья» и стал показывать картинки. Валька слушал его вполуха, больше увлеченный рисунками, чем рассказом. Были на них колдуны и ведьмы, чревоещатели и вызыватели духов.

– Смотри, – не унимался Вафел, тыча пальцем в страницу, где были изображены два парусника, один потрепанный, наполовину развалившийся и, кажется, совершенно пустой, а другой целенький, с перепуганной командой. – Это «Летучий Голландец», – показал он на корабль с оборванными парусами. – На нем плавали утонувшие моряки. А твой медальон носит знак «Летучего Голландца». Значит, он, может быть, принадлежал кому-нибудь из тех моряков. Представляешь, сколько ему лет! Это когда было-то!

– Обалдеть! – вяло отозвался Валька. – А на метро они могут ездить?

– Медальоны?

– Моряки!

– Откуда? – растерянно заморгал Колька. – На море если только...

– А если здесь ничего нет, – вдруг разозлился Шейкин, – то и катись отсюда вместе со своей книжкой.

Семенов обиженно засопел и ушел.

Уроки тянулись долго и скучно. Валька успел забыть о всех моряках и медальонах, вместе взятых. Он уже жил летом и тем, как он сядет в поезд и поедет к дядьке в Самару. Осталось только дожидаться конца занятий.

Когда же долгожданная свобода наступила и он отправился на улицу, с ним произошло то, что обычно случается в анекдотах. Ему на голову чуть не упал кирпич. Чайник шел, вяло переругиваясь с Машкой, которая наотрез отказывалась оставлять его одного, как вдруг прямо к его ногам ухнул кирпич. Машка взвизгнула и кинулась к кустам. Шейкин сначала посмотрел на красные осколки у своих ног, потом поднял голову и увидел, как на него падает еще один кирпич.

– Вы чего? – ахнул Валька, отскакивая в сторону.

Потом кирпичи стали падать один за другим. Чайник, петляя как заяц, побежал прочь от дома. На безопасном расстоянии он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть гиганта, пытающегося разглядеть, что творится внизу.

– За что? – заорал Валька, надеясь докричаться до двадцать второго этажа. – Что я вам сделал?

На эти слова гигант выпрямился, и в сторону Чайника опять что-то полетело. Но это был уже не кирпич, а нечто продолговатое и темное. Когда Валька разглядел, что это такое, ему стало нехорошо.

На него падала железная перчатка.

Не долетев несколько метров до земли, она раскрылась, противно каркнула и лапами вперед вцепилась Шейкину в лицо.

– Пошла! – замахал руками Валька. Ворона крыльями оглушила его, когтями царапнула по лицу и с шумом полетела прочь.

– Валечка! – Подгорнова проридралась к нему через кусты. – Что с тобой?

Увидев расцарапанную физиономию любимого, Машка опустилась рядом на землю и залилась слезами.

– Отвали, – устало отмахнулся от нее Шейкин. – Прошло уже все.

Оставив Машку рыдать одну, Чайник зашагал в сторону метро. Он совершенно не понимал, откуда на него свалились все эти напасти и почему они до сих пор его мучают. Ведь он ничего не делал и ничего не брал, ни с кем не разговаривал и никому ничего не обещал. Откуда все это взялось? Вафел тоже видел призраков, и с ним ничего не происходило. У него остался медальон – и тоже ничего.

В метро было много людей. Все они спешили, толкались и злились. Электропоезда приходили один за другим, полные народа. Они шли и шли, и никаких перерывов между ними не было. Валька в тоске слонялся по платформе, пытаясь придумать объяснение всему, что с ним произошло за последние сутки. Диктор бесстрастным металлическим голосом объявлял о приближающихся поездах.

Технические составы не появлялись.

Шейкин уже собирался идти домой, для верности решив пропустить еще пять составов. Когда к платформе подходил первый поезд, толпа неожиданно навалилась сзади, Валька почувствовал явный толчок в спину и полетел на рельсы. Ахнуло несколько голосов, заорала женщина, с непереносимым визгом заскрежетали тормоза локомотива. Все эти звуки заставили Вальку вскочить на ноги и побежать прочь от надвигающейся на него махины.

Он бы, наверное, мчался по рельсам до следующей станции, если бы его тут же не перехватили непонятно откуда взявшиеся люди. Они крепко взяли вяло сопротивляющегося Шейкина и куда-то повели. Потом долго выясняли, кто он и что делает в метро, звонили на работу маме, везли домой.

Все это доходило до сознания самого Чайника как сквозь вату – он слабо понимал, что происходит вокруг. Но его не покидала непонятно откуда взявшаяся уверенность, что он не случайно слетел сегодня с платформы. Потому что когда Валька падал, то успел заметить, как в толпе исчезает худая спина, обтянутая черным грязным сукном длиннополного пиджака.

Его хотят убить. Прекратить его веселое и беззаботное существование.

От этой мысли Шейкину становилось нехорошо, он заваливался набок, и тогда тетка в белом халате подсовывала ему под нос марлю с резким ядовитым запахом.

Главное, он не мог понять, за что на него накнулись все эти напасти. Он же такой хороший!

А потом с работы прибежала мама и сообщила то, от чего Вальке совсем поплохело. Оказывается, к дяде в Самару он поедет не один. Он должен будет взять с собой Машку Подгорнову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.